

Игорь Мерцалов

Игорь Мерцалов

Новейшая оптография и призрак Ухокусай

Роман

Москва, 2013
ЕАРМАЛА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
М52

Художник
И. Воронин

Мерцалов И. В.

М52 Новейшая оптография и призрак Ухокусай: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 343 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1608-0

Однажды упырь Персефоний скажет Сударому: «При вашей сугубо мирной работе, Непеняй Зазеркальевич, вас слишком часто хотят убить». И будет совершенно прав. Сомнительные предложения, угроза жизни, вызов на дуэль — вот что принесло открытие, совершенное молодым оптографом. Но все это отнюдь не повод унывать, ибо из всякого положения есть выход, если рядом верные друзья, а научная магия, несмотря на свои неожиданные последствия, остается безумно интересным занятием. И весьма небесполезным: когда мирный провинциальный Спросонск посещает загадочный призрак Ухокусай, именно новейшая оптография дарит надежду на спасение.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1608-0

© Мерцалов И. В., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

Щит из пяти составил листов и на круге обширном
Много дивного бог по замыслам творческим сделал.
Там представил он землю, представил и небо, и море...
...В битвах, как люди живые, они нападают и бьются...
...такое он чудо представил.

Гомер. Илиада

Часть первая **ОТКРЫТИЕ НОВЕЙШЕЙ ОПТОГРАФИИ**

ГЛАВА 1, *в которой г-н Сударый совершает открытие и рискует жизнью*

Смутные сны посещали Сударого в эту ночь, лоскутные и сплошь какие-то неприятные. То виделось, что сам царь-государь приходит к нему на сеанс, а в ателье пыльно, и половица скрипит, и, вот же подлость, у табурета ножка шатается, так что царю сидеть неудобно, аж корона набок съезжает, и он ее ловит беспрестанно (а все это, надо сказать, за исключением царя, и наяву место имело). И вот будто бы, протолкавшись меж гвардейцев, которых на каждом углу по паре, подбегает к царю премьер-министр и стенает: невместно, мол, государю в таком убожестве находиться, надо в ателье к мсье де Косье идти; и в гневе едва успевает вскочить царь-батюшка с предательского табурета, который как раз падает, и удаляется, и утекает сквозь пальцы Сударого счастливый шанс: снимок, который мог бы его и озолотить, и прославить, утекает к заклтому конкуренту Кривьену де Косье.

То причудилось, что ему судебный пристав повестку приносит, а в ней сказано, что «г-н Сударый вызывается в суд в качестве обвиняемого по делу об оскорблении чести и достоинства» — не царя, слава богу, но какого-то тоже важного лица.

То приоблазнилось, что собрался он готовить новый состав, а в лавке ему серебряного порошку в долг уже не отпускают.

А потом самое досадное приснилось: будто Сударому счета приносят за оба месяца, а у него где-то целая куча золота на столе лежит, только он не помнит, где и на каком, мечется по дому, найти не может, а с приказчиками от домовладельца и от хозяина лавки сразу судебный пристав пришел (тот самый, из сна про повестку), и вот они говорят: «Все вы врете, господин Сударый, нету у вас никакого золота, а ждать нам уже никак невозможно, так что...»

Самый противный сон, честное слово. Главное — правдоподобный до жути (исключая кучу золота). Уж во сне-то, казалось бы, можно от этих мыслей отдохнуть!

А потом солнце ударило в глаза — на миг, потому что шторы мгновенно задернули. Раздался воинственный крик, и на Сударого напал упырь.

И это уже было на самом деле.

Молодой оптограф проснулся мгновенно, они покатались по ковру. Упырь был силен, даже необычно силен сегодня, но знание приемов помогло Сударому скрутить его.

— Довольно, Персефоний, — пропыхтел он наконец. — Все, я уже свернул тебе голову.

— Между прочим, вы дважды укушены, Непеняй Зазеркальевич, — заметил Персефоний, помогая Сударому подняться. — Ну-с, а теперь — за рапиры!

Они прошли в соседнюю комнату, при необходимости служившую гостиной или спортивным залом, сняли со стен рапиры и принялись фехтовать. Упырь быстро набрал преимущество в три укола и, несмотря на все старания оптографа, стойко удерживал фору.

— Силен ты нынче! — признал Сударый. — Хорошо поработал ночью, что-то крупное попало?

Схваченный полгода назад за бродяжничество и взятый Сударым на поруки упырь, кроме того, что работал в ателье, на общественных началах служил в подотделе по очистке города от бродячих и вредоносных животных.

— Не то слово! Кавказский овчар, да? — похвалился Персефоний, почему-то начиная говорить с акцентом. — Савсэм злой, нэмножка бэшений. Вот такой, да? — показал он щедрым рыбацким жестом и добавил: — Это в талии...

— Фантазер ты, Персефоний. Ну откуда в современном городе возьмется бродячая кавказская овчарка? Сказал бы хоть — зомби, можно еще поверить.

— Ну что вы, Непеняй Зазеркальевич, — скривился упырь. — Разве с зомби кровушка в жилах заиграет? Одно слово — нежить... мышами и то скорее наешься. А тут, точно вам говорю, крупная была зверюга.

— Ну добро. Ты уже отдыхал?

— А мне теперь на ближайшие сутки без надобности, хоть весь день по солнцепеку гоняйте!

— Отлично, тогда проверь запас реактивов и приберись в студии. Проследи, чтобы Переплет хорошенько подмел, а то пылища у нас — перед клиентами стыдно.

Упырь занялся делом, а Сударый совершил утренний туалет, оделся в коричневый костюм (собственно, единственный), повязал галстук-бабочку и спустился вниз.

Из студии неслись препирательства упыря и домового Переплета. Слышалось ворчливое: «Я и костюм гладь, я и все...»

Насчет убожества премьер-министр во сне, конечно, преувеличил, но спору нет: обстановка в приемной бедновата. Стол секретарши, шкаф для верхней одежды, вешалка для посетителей, стойка для тростей, а еще полупустой стеллаж, который запланирован для альбомов с репродукциями, живые картинки на стенах — вот и все. Пустовато как-то. Пальму в кадке, что ли, поставить? Фу как пошло...

Вереда уже была на месте. Заметив Сударого, поспешно спрятала что-то в ящик стола и приветливо улыбнулась начальнику:

— Доброе утро, Непеняй Зазеркальевич!

— И тебе утро доброе, Вереда.

В ящике кто-то отчетливо шебаршился, но Сударый сделал вид, будто ничего не замечает. Непозлобина Вереда Умиляевна, студентка-второкурсница, училась на заочном отделении факультета биомании, получала стипендию и в ателье работала на полставки. А работала очень хорошо, к тому же была собой миловидна, так что молодой оптограф смотрел сквозь пальцы на ее пристрастие к экспериментам

на рабочем месте, лишь бы результаты экспериментов не попадались на глаза посетителям.

— Будь добра, загляни, пожалуйста, в астрологический календарь и скажи, сбываются ли сегодняшние сны.

Девушка, оставив попытки щелчками по ящику успокоить сидящий там плод ее биомагических упражнений, открыла календарь и объявила:

— Нет, Непеняй Зазеркальевич... Ах, простите, проглядела: у вашего знака сбываются!

— Прекрасно, — не то просто в воздух сказал, не то попытался внушить себе Сударый, которому после нынешних снов оставалось уповать лишь на то, что царь как будто бы не покидал столицы. — Так, что у нас намечается на сегодня?

Вереда открыла журнал:

— Сегодня, Непеняй Зазеркальевич, у нас удачный день, и не по астрологическому календарю, а по предварительной записи. На десять часов — романтический портрет, на десять тридцать и одиннадцать — торжественные портреты в мундирах, из них один — на поле брани. И на три — групповой снимок, фамильный портрет на восемь персон с собачкой.

— Интересно, собачка включена в состав персон? — хмыкнул появившийся в приемной Персефоний. — Непеняй Зазеркальевич, с реактивами туго. Только я больше в лавку не пойду, меня там даже слушать не хотят. Вы бы сами как-нибудь — а я пока табурет почию.

— А что с табуретом? — несколько более нервно, чем собирался, спросил Сударый.

— Да ножка расшаталась. Но вы не тревожьтесь, я сделаю.

— Превосходно, — кивнул оптограф. Усилием воли вернув себе боевое расположение духа, окинул генеральским взором личный состав и объявил: — Итак, сегодня большой день, господа, и мы должны провести его достойно! Готовьтесь, я буду, как всегда, через сорок минут.

Постукивая тростью по брусчатке, Сударый прошел до середины квартала, пересек проезжую часть, пропустив по-

возку-самокат и двуколку, запряженную рысаком, поморщился вместе с другими прохожими, когда какой-то лихач на ковче-самолете с несносным провинциальным шиком промчался разве что не по головам, и вошел в «Обливион», кафе, принадлежавшее господину Кренделяки.

Несмотря на слухи о мастерстве упомянутого господина, «Обливион» не числился среди лучших заведений города Спросонска, и цены в нем были приемлемые. Сударый сел за свой любимый столик у окна. К нему подошла русалка (официантками у Кренделяки работали только русалки), он заказал себе салат и, памятуя о предстоящих заработках, ма-аленький бифштекс под соусом пикан, особенно упирая на то, что бифштекс «ма-аленький» не просто так, а потому, что под соусом пикан большие и средние бифштексы попросту неуместны. Кроме того, заказал он себе чашку кофе и утреннюю газету.

В ожидании заказа Сударый изучал газету, профессионально интересуясь не столько новостями, сколько размещенными на полосах спиритографиями. Впрочем, не удержался от того, чтобы внимательно просмотреть первую страницу, — но нет, царь-батюшка планировал награждение двух генералов, переговоры с послом из Забугорья по поводу импорта окорочков магически возвращенных кур, торжественный бал в честь вернувшихся на прошлой неделе с дальнего севера землепроходцев, а визита в Спросонск отнюдь не планировал, по крайней мере, сегодня.

Спиритографии газетные, как всегда, оставляли желать лучшего, однако грубых ошибок и недочетов Сударый, к сожалению, не заметил. Вкладывая деньги в собственное ателье, он очень рассчитывал на знание новейших оптографических методик, однако надежды не спешили оправдаться. Тогда он предпринял массированное наступление на прессу и непосредственно редактору губернских «Вестей Спросонья» адресовал целых три письма, в которых, апеллируя к конкретным примерам, указывал на недостатки в работе редакционных спиритографов и предлагал свои услуги. Однако письма его остались безответными, хотя Сударый и отметил, что высказанные им замечания явно учтены.

Так что уже ничуть не вдохновляло его на новый штурм газетного мира качество традиционной печати, при котором изображения получались черно-белыми, слегка размытыми, едва шевелящимися и повторяющимися весьма короткий цикл движений. Землепроходцы, заснятые непосредственно при возвращении, кланялись как заведенные, один из награждаемых генералов, стоя на трибуне, тянул руку к карману, чтобы извлечь бумажку с речью, но так и не доставал ее, а царь-батюшка только хмурил брови.

Лучшая спиритография номера располагалась на предпоследней странице, отданной на растерзание местным поэтам. Отлично экспонированный снимок изображал березу на обрыве у реки Лентяйки. Плавно шевелилась четко очерченная крона, текли по небу облака, и без малейшего разрыва пролетала стая неопределенных птиц. Снимок можно было рассматривать часами, а может, он даже запечатлел переход заката в звездную ночь. Впрочем, Сударый давно заподозрил, что для ежемесячной поэтической полосы когда-то давно кем-то был сделан отличный панорамный снимок, который с тех пор нарезают и выдают по кусочку. Сразу под пейзажем располагались стихи одного из виднейших *местечковых музоложцев* (как презрительно именовал провинциальных пиитов один столичный знакомый Сударого) Нахлеба Смасловича Воспевалова, под названием «Лентяйка значит «лента». Первая строка была такая:

Лентяйка значит «лента», а не «лень»...

Сударый пробежал глазами по правому краю стихотворной колонки и обнаружил рифмы: «день», «сень», «тень», снова «лень», «кипень»; вносящую некоторое разнообразие, хотя и неграмотную «довскнель»; страшно диссонирующую с общей тональностью опуса «дребедень» и снова «сень». Он покачал головой. Нет, не стал бы он ради сих строк создавать новую спиритографию, да еще такую хорошую!

Меж тем был принесен салат, а за ним и бифштекс, и Сударый, на минуту выбросив из головы все посторонние мысли, только-только приступил к завтраку, как за столик

напротив него сел тучный господин весьма представительного вида.

— Доброе утро. Невменяй Залазьевич, если не ошибаюсь, спиритограф? — поинтересовался он.

— Непеняй Зазеркальевич, — поправил Сударый. — Но действительно спиритограф. Точнее даже можно сказать, оптограф.

— Позвольте представиться: Рукомоев Захап Нахапович, секретарь губернатора. Очень удачно, что мы с вами встретились, у меня ведь к вам, представьте, дело. И связанное именно с тем, что вы, как бы сказать, не вполне спиритограф, то есть даже, собственно, оптограф... А дело вот в чем: нынче мое семейство будет спиритографироваться в вашем ателье.

— Фамильный портрет на восемь персон, — кивнул Сударый.

— С собачкой, — добавил Рукомоев. — Дело, собственно, вот в чем. Вы, как я слышал, используете в своих... оптоснимках э-э... новейшие разработки забугорских ученых.

— И не только забугорских! — поспешил заверить Сударый. — В своих изысканиях я опираюсь на опыт ученых и Заморья, и Загорья, а брошюра известного незадальского исследователя Рукивногича о призматических объективах вообще остается у меня настольной книгой! Я уже не говорю о великом труде нашего гениального соотечественника Незавида Бескорыстовича Подаряева «О призматическом разложении ауры»...

— Э-э... да-да, — вежливо покивал головой Рукомоев. — Так вот и я о чем: поговаривают, будто эта новейшая метода позволяет прямо-таки новые горизонты открывать и глубины освещать...

— Простите, но вы, Захап Нахапович, кажется, несколько... далековаты от обсуждаемой темы? — улыбнулся Сударый, сообразив, что секретарь губернатора, определенно консерватор, поддался минутному порыву и сделал заказ, а потом стал мучиться вопросом, что с его семейством в ателье будут делать. — Позвольте, я вам вкратце расскажу, по возможности избегая терминов, которые человеку свежему, разумеется, не могут быть понятны.

— Вот-вот, с удовольствием бы я вас послушал, — согласился Рукомоев.

Сударый подозвал русалку, попросил еще кофе и стал набивать трубку табаком. Рукомоев попросил себе кофе с коньяком и тоже набил трубку.

— Разумные издревле стремились создать заклинания, позволяющие запечатлеть те или иные образы, — начал Сударый. — Но в прежние века работа велась кустарными способами, носители были ненадежны, и каждый мастер использовал собственные заклинания, так что другой не мог зачастую даже воспроизвести образ с уже готового носителя. Главная же ошибка предшественников заключалась в том, что они пытались запечатлеть образы непосредственно, что приводило к появлению фантомов, големов и прочих кадавров, порой даже точно копирующих оригинал, что, впрочем, приносило одни неприятности. Только на современном уровне развития алхимии стало возможным фиксировать зрительный образ, который сам по себе содержит огромное количество информации об объекте. Ведь спиритограф — это, вопреки мнению некоторых невежественных разумных, не *уловитель* духа, а всего лишь *описатель* духа. Изображение, в котором ярко выражена духовная составляющая объекта или субъекта съемки... предмета или разумного, иными словами, — поправился Сударый, видя, что его собеседник все же не без труда следит за ходом мысли, — начинает самостоятельно производить действия, характерные для того, с кого сделан снимок. Но и эти методы нельзя назвать совершенными. Количество информации, записываемой обычным способом, довольно невелико, и порой это приводит к неточностям и искажениям. Да вот, полюбуйтесь, — сказал он, показывая Рукомоеву хмуращегося царя на первой полосе. Рукомоев неосознанно подтянулся. — Судя по тексту, государь произносит речь, полную оптимизма и благодарности героям, прославившим нашу державу. Так отчего же на снимке он хмур? А просто так совпало, что в миг, когда оператор спиритокамеры делал снимок, государь мельком, быть может, подумал о чем-то малоприятном. Для изображения мимолетная мысль стала

главной. Дабы изображение вело себя правдоподобно, требуется длительная экспозиция... мм, требуется держать объект съемки в кадре хотя бы несколько минут, иногда до часа... Так вот, виднейшие ученые предположили, что совершенствовать спиритографию надо не за счет увеличения экспо... времени съемки, а за счет концентрирования информации. Вы и представить себе не можете, каких поразительных результатов позволяет добиться обыкновенная двояковыпуклая линза в одну диоптрию! Кроме потока световых лучей, она фокусирует и биоэнергетические потоки. Благодаря этому получаемое изображение условно проявляет многие свойства объекта съемки, даже те, что не были явны непосредственно в момент спирито-, а точнее, оптографирования. Конечно, все это стоит больших расходов... требуются усовершенствованные алхимические составы для оптопластин, принципиально новые заклинания... Но результат поразителен!

— Вот про свойства бы хотелось поподробнее, — вставил слово Рукомоев. — А лучше сделаем так: вы уж позвольте, Непеняй Зазеркальевич, старому ворчуну рассказать, в чем проблема, поведать, так сказать, причину скорби сердечной, а уж после обговорим детали. Но дело у меня к вам, по правде, свойства деликатнейшего...

— Вы можете быть уверены в моем молчании! — заверил его Сударый, не совсем понимая, что такого деликатного может быть связано с достижениями магической науки.

— Коротко говоря, не так давно устроил я счастье своей дочери, ненаглядной Запятауни. В зятя ко мне угодил молодой Молчунов, Незагрош Удавьевич. Человек фамилии порядочной, небеден, да и собой весьма недурен. Устроил я его приличествующе, в губернаторскую канцелярию. Все хорошо, но с некоторых пор... Ах и сказать-то неловко, но где нынче правды искать, как не в высоких достижениях науки! В общем, перестал я ему вдруг доверять. И ведь ничего-то определенного сказать против него не могу. Чтобы там подозревать в чем-то — ни-ни! Но — не доверяю и все тут. Уже сам исстрадался, не в силах разгадать терзающих старое сердце сомнений, — и вот прослышал о достижениях вол-

шебства оптографии. И подумал: вот бы хорошо такую пластину изготовить, на которой именно личные свойства Незагроша нашего Удавьевича, в обычной жизни от глаз, быть может, сокрытые, явны станут.

— Ах вот что вы имели в виду! — сообразил Сударый. — Боюсь, я должен огорчить вас. Дела подобного рода...

— Обсуждаются приватным образом, — перебил его Рукомоев. — Как мы с вами и делаем. Надеюсь, вы не думаете, что я способен пойти с вашим оптоснимком в суд? Конечно, при условии, что снимок вообще покажет что-то предосудительное. В том-то и соль, что мы с вами действуем приватнейшим образом, любезный Непеняй Зазеркальевич! — успокоил он оптографа, приятно улыбнувшись.

— Вы меня не совсем поняли. Моральный вопрос относительно данного случая пока даже не стоит, ибо научные разработки находятся еще в стадии эксперимента...

— Ста рублей вам хватит? — чуть наклонясь вперед, спросил Рукомоев, и Сударый поперхнулся окончанием фразы.

По молодости лет он привык мыслить в космических или, по крайней мере, планетарных масштабах, однако конкретная цифра впечатляла не в пример сильнее. Сто рублей! За самые качественные снимки в своей студии он брал по полтора рублика с персоны, в особых случаях — по два, как намеревался взять сегодня с одного из торжественных мундиров, которому требовалась на оптопластине, кроме собственной личности, добротная наведенная иллюзия. По три рубля с персоны платили ему те, кто хотел, как нынче Рукомоевы, получить не просто оптопластину, а богатый портрет, пригодный для вывешивания в раме на стене.

Сто рублей!

И ведь нравственный вопрос действительно не стоит! И не встанет до тех пор, пока того не потребует практика. И вообще, знаете вы, господа, что такое сто рублей для привыкшего во всем себе отказывать молодого энтузиаста в провинциальном городе?

Это новейший, превосходный, изготовленный на единственном в мире чужедальском заводе призматический объ-

ектив, который поступил месяц назад в алхимическую лавку и там пылится пока за ненадобностью на полке, потому что заказавший его звездочет обнаружил совершенную несовместимость с имеющимися у него приборами. Вроде бы де Косье на него посматривал, не иначе просто из вредности, но шиш де Косье, не нужен ему объектив, а кому нужен, тот придет и купит. И рублей после этого останется еще — о боже! — целых семьдесят!

А семьдесят рублей для означенного молодого человека в указанных условиях — это оплаченные счета, после чего рублей останется еще сорок два.

А сорок два рубля — это новый, сшитый по мерке костюм, штилеты и десяток воротничков, после чего рублей останется еще тридцать четыре. А тридцать четыре рубля — это... это...

Ах, да что там скаредничать, на зарплату сотрудникам можно наскрести из обычных доходов, а сейчас — выплатить им по червонцу премии! Заслужили, по-честному говоря! И домовому пятерку: захочет — на себя потратит, захочет — по хозяйству чего прикупит, он самостоятельность любит. Впрочем, почему же пятерку, господа, все ту же десятку! И рублей останется еще... восемь, потому что шут с ними, с воротничками, да и со штилетами тоже, пусть будет хороший костюм — а на остальные деньги сразу купить реактивы и даже останется на нормальный бифштекс! А то и на два. Уж на кофе точно останется. А табак и в долг теперь отпустят...

Покинув «Обливион» и чувствуя себя так, словно вдруг напрочь забыл, кто он, где и зачем, молодой оптограф прошелся вверх по улице. Спohватившись, посмотрел на часы, обнаружил, что времени минуло гораздо меньше, чем он ожидал, и тогда, вспомнив о насущном, бросился в алхимическую лавку. Реактивы — это в первую очередь.

А без призматического объектива, который вдруг, скачком, приблизился из недостижимого далёка и сделался так близок, Сударый теперь не то что работать, дышать бы не смог.

По дороге он старался успокоиться и охолонуться. Сто рублей — а скорее та легкость, с которой они перекочевали в его тощий карман, — выбили Сударого из колеи, но, чтобы отработать деньги, необходимо иметь спокойные нервы и трезвую голову. Ни единой промашки быть не должно! Нельзя ни в коем случае забывать, что семейство Рукомоевых — одно их самых почитаемых не только в городе, но и во всей губернии. Не сравнить, конечно, с государевым, но, грубо говоря, если табуретка хряпнется под кем-то из Рукомоевых, хоть бы даже и под собачкой, особой разницы Сударый не ощутит.

За прилавком нынче стоял сам алхимик, жгучий брюнет, маленький и худощавый, но вполне внушительный, в неизменных волшебных очках-духовидах. Обрадованный как возвращенным долгом, так и возможностью избавиться от залежавшегося товара, он даже скинул два рубля с объектива и полтинник с реактивов.

Но, как видно, Сударый был слишком озабочен предстоящими хлопотами, и обретение вожеленного объектива прошло как-то обыденно и отмечено было одним или двумя усиленными стуками сердца, не более. На сэкономленные деньги оптограф (гулять так гулять!) взял извозчика, за четверть часа прокатился вдоль магазинов, приобрел два новых воротничка (себе и Персефонию), розу для Вереды, а также свежезаряженный световой шар и благовонный цветик-семицветик, способный истреблять в воздухе пыльную затхлость, для студии.

В десять ровно он подкатил к ателье, поздоровался в дверях с первыми клиентами, четой молодоженов, сдал покупки Переплету и прямо с порога взялся за работу. Романтический пейзаж у него был заготовлен еще со вчерашнего дня, наведенная иллюзия легла на оптопластину ровнехонько, и такое начало трудового дня Сударый счел благоприятным знаком.

Он трудился, а творческая мысль зрела, зрела и, наконец, вызрела. Закончив съемку, Сударый первым делом отправил мальчишку-посыльного с записками в лавку алхимика и в библиотеку. И только потом, вынув из камеры и передав

Персефонию оптопластину с романтическим портретом (упырю, прекрасно видевшему в темноте, часто приходилось работать со светочувствительными материалами), вспомнил о розе и воротничках. Первая заняла место на рабочем столе девушки, вторые — на шеях живого и неживого мужчин, непостижимым образом придав им уверенности в своих силах.

Правду сказать, работники ателье не вполне понимали возбужденного состояния молодого оптографа. Съемка Рукомоевых — дело, конечно, ответственное, но чтобы Сударый на себя не походил... Только отсняв носителей мундиров, которые были сослуживцами и пришли вместе, так что между ними и следующими клиентами образовалась временная лакуна в два с лишним часа, Сударый разъяснил товарищам суть дела.

— Ой, — сказала на это Вереда, — Непеняй Зазеркальевич, может быть, лучше не надо? Я, конечно, не специалист и не могу давать советы, но проводить эксперименты на разумных...

— На добровольцах, Вереда, на добровольцах! — твердо заявил Сударый. — Захап Нахапович сам изъявил желание воспользоваться экспериментальной методикой съемки. Желание клиента — закон. Да и не в нем, по совести говоря, дело. А в том, что у меня есть идея, формула, и счастливый случай дарит мне подходящего клиента. Призматический объектив, новый серебряный состав и новое заклинание произведут настоящую революцию в оптографии! Персефоний, возьми объектив, только осторожно, и установи на «Зенит». Вереда, у тебя ведь по алхимии «пятерка»?

— Да, но это же не профильный предмет...

— Немедленно в лабораторию, я скажу Переплету, чтобы выдал тебе ингредиенты. Трансмутируй мне тридцать грамм серебра высшей пробы «холодным» способом. Я сейчас отправляюсь еще за кое-какими покупками... Да, Персефоний, мне нужна идеально прозрачная стеклянная пластина! У нас останется час для нанесения состава.

— А я пока приберусь в студии, — вызвался захваченный энтузиазмом господина оптографа домовый.

Алхимик, обрадованный платежеспособностью уже списанного было со счетов клиента, старательно подобрал заказанный через посыльного товар и даже обратился к Сударому с приветливым:

— Никак дела пошли, Непеняй Зазеркальевич?

— Не без того, Клин Клинович, не без того, — приговаривал оптограф, укладывая покупки.

Следующим пунктом его вояжа была библиотека. Однако вместе с ним из лавки алхимика вышел хорошо одетый молодой человек приятной в целом наружности, несколько подпорченной бегающим взглядом. Он обратился к Сударому с вопросом, не он ли будет Невнят Завиральевич, а услышав в ответ, кем Сударый был, есть и надеется оставаться в дальнейшем, весьма обрадовался, объявив, что его-то он, оказывается, и искал, а никакого не Невнята Завиральевича. Представившись Незагрошем Удавьевичем, он сказал:

— Вы, кажется, спешите? У меня здесь коляска-самовоз, если позволите, я вас подвезу, а по дороге мы сможем переговорить по одному деликатному делу.

Сударому в коляску не хотелось. Что-то слишком много деликатных дел накручивается вокруг одного-единственного оптографического снимка. Правда, снимок на восемь персон, да еще с собачкой, но от той хотя бы интриги ожидать не приходится. Однако Незагрош был настойчив.

— Поверьте, это в ваших же интересах, — убеждал он.

«Что ж, выслушаю, по крайней мере», — решил Сударый и, подчиняясь приглашающему жесту Молчунова, шагнул к коляске.

Коляска у рукомоевского зятя была роскошная — хермундского производства шестиместный кабриолет класса «джинномобиль» со стальными рессорами и со штатом прислуги в составе миловидной сильфиды в фартучке и очкастого гнома в лихо заломленной на затылок кепке и испачканной машинным маслом куртке.

Они поклонились владельцу коляски, затем сильфида распахнула перед людьми дверцу, а гном занял свое место за рулем, тронул магический кристалл, гнездившийся на оси рулевого колеса, и самовоз покатил к названной Сударым

библиотеке. Молчунов жестом отправил сильфиду, пытавшуюся вручить пассажирам прохладительные напитки, из салона на передок и обратился к оптографу:

— Сегодня в «Обливионе» вы имели приватную беседу с отцом моей жены. И конечно же он просил вас изготовить обличающий меня снимок.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — нахмурился Сударый.

— Да бросьте, господин оптограф, — махнул рукой молодой человек. Вообще едва полог кабриолета отрезал их от внешнего мира, Молчунов разительно изменился: из голоса его исчезла показная доброжелательность, глаза перестали бегать и глядели теперь на собеседника прямо. — Разумеется, я не подслушивал и не могу воспроизвести ваш разговор дословно. Но я прекрасно знаю, как Захап Нахапович ко мне относится. Я человек решительный и честолюбивый. С моей молодостью, силой и настойчивостью я действительно намереваюсь в течение трех-четырех лет обогнать его в карьерном росте. При этом, однако, я не намереваюсь в будущем ни забывать, ни тем более принижать людей, которые мне сей этап обеспечивают, то есть почтенное семейство Рукомоевых, и уж тем более не намерен я бросать когда-либо мою Запяташку, мою прекрасную жену. А вот Захап Нахапович этого не понимает, потому что сам на моем месте непременно бы втоптал в грязь тех, кто ему помогал. Впрочем, это все к делу относится лишь косвенно, а важно теперь вот что: Захап Нахапович ищет возможность удалить меня из семьи, уличив в чем-нибудь неблагоприятном на службе или в сфере семейных отношений. С недавних пор он заинтересовался достижениями новейшей оптографии, выписал пару книг, изучил целый номер «Ежемесячного спиритографа», ничего в прочитанном не понял, но стал обращаться к знакомым за советом — и вскоре услышал о вас, господин Сударый, как о спиритографе нового поколения. Когда он разместил в вашем ателье заказ на групповой снимок, я сразу понял, в чем дело. Сам я, надо сказать, несколько более сведущ в спиритографии. Как-никак постоянно слежу за столичной прессой, за мировой культурой. Да что

там — нынче даже в «Зайке» такие оптографии печатают, что... в общем, успехи современной магии, так сказать, налицо. Я прекрасно знаю, что нарочно выявить то или иное человеческое свойство оптографам не под силу, как раз наоборот, все стремятся к созданию цельного образа. И разумеется, не стал бы я вас беспокоить, если бы не одно опасение. Если вам удастся при помощи новейших методик сделать достаточно совершенный, сложный снимок, на котором довольно широко отразился бы мой внутренний мир, Захап Нахапович непременно отыщет на нем что-нибудь, чтобы поставить мне в вину. Понимаете, элементарной ложной интерпретации жеста или выражения лица будет достаточно, чтобы разрушить мою карьеру и разбить сердце милейшей Запяташки! Да, если бы снимки могли разговаривать... но ведь они не могут, так? — уточнил Незагрош.

— Гхм... не могут, — прочистив горло, согласился Сударый. — Даже стеклянные пластины очень скверно проводят звук.

— Вот видите, значит, мое изображение не сможет прямо заявить о чистоте своих намерений. И, безгласное, будет оболгано по малейшему и ничтожнейшему поводу. Какой же вывод следует из сказанного? — спросил Незагрош Удавьевич, вперяя в Сударого острый, как рапира, взгляд немигающих глаз.

— Не приходите сегодня на сеанс спиритографирования, — предложил Сударый.

— Смеетесь? — нахмурился Молчунов. — Он прямо скажет, что я побоялся продемонстрировать свою истинную сущность, и если карьере домашняя склока не повредит, то моим отношениям с Запяташкой — точно. Бедняжка и так разрывается между мной и отцом. Нет-нет, мы с вами поступим иначе. Сколько Захап Нахапович предложил вам за порочащий меня снимок?

— Прошу вас не забываться, сударь! — вскипел Сударый. — Ваши предположения...

— Ах, да оставьте вы показное благородство, — перебив его, поморщился Молчунов. — Не люблю театральщины. Я же ни в чем вас лично не обвиняю! Не говорю, будто вы на-

мерены сознательно причинить мне вред. Речь о том, что это сделает мой любезный тестюшка. Не сумев подкопаться под меня традиционными методами, как-то: подсыл взятокдателей, подброска девиц сомнительного поведения и внеплановая ревизия, — он решил опорочить меня методами прогрессивными. Ради этого он готов на все, он даже принялся истязать свой ослабленный излишествами организм титаническим трудом, известным как чтение...

— Милостивый государь, вы отдаете себе отчет в том, что тяжело угнетаете меня необходимостью выслушивать совершенно неинтересные и ненужные мне подробности чужой личной жизни? — сквозь зубы поинтересовался Сударый, делая вид, будто разглядывает проносящийся за окном пейзаж.

— Я уже просил: не надо театральщины. Вы послушаете и забудете, а мне со всем этим еще жить и жить. И потом ваше возмущение неуместно после того, как вы взяли деньги Захапа Нахаповича. Взяли, взяли! Иначе с чего бы стали срочно покупать дорогущий объектив?

— Конечно, взял! — ответил ему раздраженный Сударый. — Потому что ничего из тех пошлых подробностей, которыми вы меня старательно утомляете, упомянуто не было...

— Да не важно, как это было сформулировано. Вам заказана оптография новейшего образца, от которой я могу ждать чего угодно. «Погляди-ка, доченька, а на тебя он когда-нибудь смотрел такими глазами?» Слезы, истерика, скандал — в общем, любыми путями к разводу, а развод в нашей среде губителен для карьеры. Сколько он вам дал? Наверное, сто рублей? Подходящая сумма: и ему не слишком накладно, и годится, чтобы поразить ваше воображение. Грубовато звучит, понимаю, но лицо у вас дрогнуло — значит, я угадал, так? Так. Отлично. Вот вам двести рублей — и условие: снимок должен быть качественным, красивым, ярким, но безоговорочно традиционным. Ничего лишнего — как на плакатах. — Он вынул из кармана две пачки ассигнаций — должно быть, произвел расчеты и оценил Сударого загодя. — Советую принять мое предложение.

Во-первых, ваша совесть будет чиста. Вы спасете счастье молодой женщины, которая недавно обрела его, а теперь рискует потерять из-за козней недальновидного отца. Про себя даже не упоминаю. С другой стороны, если афера Захапа Нахаповича увенчается успехом, я буду зол на вас, а злой чиновник (ведь свержение мое произойдет не мгновенно) за считанные дни способен так отравить жизнь рядовому гражданину, что тот до конца дней не забудет. Наконец, если вы прислушаетесь ко мне и сделаете ставку на чистую совесть, наши с вами отношения тотчас прекратятся. Я вижу, вы человек щепетильный, сплетничать по городу не станете. Деньги откроют вам простор для новых экспериментов — только уж, пожалуйста, проводите их на добровольцах.

Сударый помедлил с ответом. Жутковатое впечатление произвел на него этот Молчунов своим неприятным сочетанием ума и цинизма. Он все глядел в окно и вдруг сообразил, что хермундская коляска уже в третий раз проезжает мимо одного и того же здания, располагавшегося как раз напротив библиотеки. По всей видимости, рулевой гном имел приказ не останавливаться, покуда не получит от Молчунова соответствующий знак.

— Теперь послушайте вы меня. Возможно, я поступил опрометчиво, взяв деньги Захапа Нахаповича. Однако за чистоту моей совести можете не беспокоиться: эксперимент не несет ни малейшей опасности для вашей жизни и здоровья. Единственный источник ваших неприятностей, действительных или мнимых, — личные отношения с женою и ее семейством, за которые магическая наука отвечать не может. Что же касается вашей угрозы, то должен предупредить: в тот миг, когда я почувствую, что против меня вы используете свои административные возможности, я в глаза и прилюдно произнесу в ваш адрес такие слова, после которых вам останется только одно — назначить мне рандеву рано утром за чертой города. На всякий случай имейте в виду: я выберу рапиры.

— Надеюсь, вы не думаете, милостивый государь, что напугали меня этой детской угрозой?

— Думаю. Но это не важно. Наконец, последнее: вам как политику, полагаю, хорошо известно, что, если деньги получены, услуга должна быть оказана. Какие после этого могут быть ко мне претензии?

Молчунов скрипнул зубами:

— Это вы в точку попали, господин оптограф, заказы не перебиваются. Что ж, время покажет, что из всего этого выйдет.

А ведь сбываются сны-то! Так подумал Сударый, выйдя из библиотеки и останавливая извозчика. Если не считать государя, который в ночных видениях, должно быть, являлся фигурой сугубо символической, отражающей какие-то глубинные подсознательные страхи, все уже было: и табурет, и пыль, и алхимическая лавка, и счета, и прибыль. Пристава не было — но, видимо, как раз потому, что счета оплачены. Что касается уплывающей из поля зрения кучи золота, то символика очевидна...

И вот извольте: оскорбление чести и достоинства тоже замаячило на горизонте! Пожалуй, наяву повестки не будет, но от этого не намного легче, ибо в таком случае сон знаменует собой внутренний суд, которому неизбежно подвергнет себя Сударый — за самостоятельное оскорбление собственной чести и унижение своего достоинства, когда он, движимый вроде бы чисто научными мотивами, ввязался в чужой семейный конфликт.

Впрочем, начинать судить себя можно уже сейчас. Сударый сидел, раскинув руки, на заднем сиденье повозки, глядел в небо, шурясь от яркого солнца, и недоуменно спрашивал себя, чем думал, когда решился взять деньги за услугу весьма сомнительного характера. Кое в чем Молчунов прав: Сударый фактически подрядился опорочить его.

Неужели же он, Непеняй Сударый, энтузиаст научной магии двадцати четырех лет от роду, выросший в семье офицера маготехнических войск, перед честностью и глубокой порядочностью которого всегда благоговел; он, получивший образование в столичном университете, где его одаряли позна-

ниями люди, известные не только умом, но и высокой добродетелью; неужели же он и впрямь настолько низок и подл, настолько жалок и алчен, что готов хватать деньги, лишь увидев их, да в довершение всего настолько глуп, что...

— Приехали, сударь! — объявил извозчик, не позволив Сударому довести до конца этот насыщенный драматический период.

В приемной оптограф, как ни был занят мыслями, сразу заметил загадочный взгляд Вереды. Новый какой-то взгляд, доселе он у нее такого не примечал.

— Что-то случилось? — спросил он, подойдя к ее столу и привычно делая вид, что не замечает, как неясная тень скрывается за чернильницей.

— У вас гостья, Непеняй Зазеркальевич, — произнесла Вереда чудесным низким голосом и взмахнула ресницами.

— Какая еще гостья?

— Дама, — с выражением ответила Вереда. — Она в студии.

— И что она там, интересно, делает?

— Ждет вас, — с решительно театральной интонацией сообщила Вереда, и взор ее из просто загадочного превратился в абсолютно таинственный.

Сударый пожал плечами и прошел в студию. Там царил золотистый сумрак, рассеиваемый одиноким светильником над демонстрационным столом, а в сумраке скрывались длинноногие штативы и длинношеие треножки со световыми кристаллами. Подле одного из них стояла стройная молодая женщина в шляпке, с которой ниспадала, закрывая лицо, черная вуаль. Судить о ее внешности было трудно (она и сама-то из-под своей вуали навряд ли много чего видела), но нельзя было не признать, что фигура у нее изумительная, а поза — волнительная.

— Сударыня? — произнес, приближаясь к ней, Сударый.

— Ай! — взвизгнула она, подскочив, и, поспешно приподняв вуаль, рассмотрела оптографа.

Тот, как воспитанный человек, сделал вид, будто ничего не заметил, благо Вередина тварюшка ежедневно предоставляла ему возможность тренировать невозмутимость.

Личико у незнакомки, кстати, оказалось очень даже симпатичным.

Но кто она и что здесь делает?

— Чем могу быть полезен?

— Ах! — воскликнула она, простирая к нему обтянутые тонкими, как паутинка, перчатками руки. — Не томите меня ожиданием, ответьте: вы ли оптограф Нестреляй Зарезальевич?

— Гхм... Непеняй Зазеркальевич к вашим услугам, сударыня, — поправил Сударый, томимый ужасным предчувствием, что и эта особа окажется членом вездесущего клана Рукомоевых.

Предчувствие не обмануло.

— Я Запятаунья Молчунова! — трагическим тоном объявила она, будто это уже объясняло и ее приход, и ожидание в полумраке студии.

— Чем могу быть полезен? — уже прохладнее спросил Сударый.

Посетительница как-то вмиг перестала казаться ему такой уж прелестной. Нет, определенный вкус у Незагроша Молчунова, конечно, был, но, по совести, все эти щечки-ямочки хороши отнюдь не сами по себе. Румяное и цветущее обличье Запятауньи Захаповны предполагало веселый, общительный нрав, а она вела себя в точности как героиня сентиментального романа с бледными ланитами и томными очами, «в коих навек запечатлелось неизбывное страданье» и т.д. Дисгармония не шла ей на пользу.

— Вы можете спасти меня, — заламывая руки, сообщила супруга Молчунова. — Лишь вам это по силам! Но, боже, смею ли я вымолвить? Ах сударь, мне остается лишь уповать на вашу добродетель!

Сударый, который в последние полчаса о своей добродетели был самого невысокого мнения, едва не взялся ее отговаривать. Но потом подумал, что оскорбить сентиментальный настрой богатой истерической дамочки — наихудшая из идей, посетивших его сегодня. Догадываясь, что в соответствующих романах подобные монологи легко могут занимать до полутора страниц, он поспешил заверить Запятаунью

нюю Захаповну, что добродетель явилась на свет вместе с ним, а конфиденциальность в делах спиритографии он сам и придумал.

Выслушав вступление, повествующее о роке, что нависает над девами и женами сего несовершенного мира, Сударый узнал следующее:

— Я ужасная, гадкая, порочная женщина, и небо справедливо обделило меня красотой. Муж мой — святой человек, он всеми силами тщится отыскать во мне что-то доброе, светлое, чистое... И живу я надеждой, что усилия его не напрасны, но гложет меня страх, что скоро истощится его терпение... Припадаю к вашим стопам с одной мольбой: дайте ему надежду!

К счастью, припадание к стопам было лишь фигурой речи.

— Каким же образом, сударыня, вы хотите, чтобы я это сделал?

— О, я знаю, знаю, на ваших оптографиях является истинный облик души — того и страшусь, что муж увидит мой образ, исполненный духовной мерзости, кою влачу в себе, несчастная. Но знаю и то, что вы кудесник и чудотворец изображений, повелитель фантомов! Вы наводите такие чудные иллюзии! Прошу вас, молю вас: наведите на меня такую иллюзию, чтобы душа моя предстала прекрасной — ведь, может быть, это и правда, может быть, где-то в глубине, под скорлупой греха, таится чудесный птенчик возвышенной души!

— У меня такое чувство, сударыня, что вы не вполне ясно представляете себе, о чем, собственно, просите. Видите ли, наведенная иллюзия используется только для создания фона...

— Я прекрасно знаю, о чем говорю! — сердито оборвала его Запятаунья Молчунова. — Вы видели репродукцию «Блудной дщери», которую выставляли в галерее в прошлом месяце? У грешницы — глаза святой... я плакала, когда смотрела. Сделайте то же и для меня!

— «Блудная дщерь»? — вскричал Сударый. — Так ведь это же Нестерпеньев! Он же художник! У него талант!

— Не важно, чем творит художник, кистью, пером или светотенью, — наставительно заметила Молчунова, шелкнула за-

стежкой сумочки, вынула две сложенные вчетверо ассигнации и положила на стол. — Здесь пятьдесят рублей — вдвое больше, чем вы заработаете на снимке нашей семьи. Возьмите их — и советую вам стать на сегодня художником, чтобы не пришлось узнать, что такое гнев порочной жены чиновника.

С этими словами она удалилась. Сударый постоял пару минут, опершись кулаками на стол, потом сунул «гонорар художника» в карман и вышел из студии.

Деньги он отдал Персефонию с наказом незаметно подбросить их госпоже Молчуновой. Персефоний суховаато заметил, что, хотя за годы его жизни полиция пару раз и обращала на него пристальное внимание, гнусное ремесло карманных воров никогда не было тому причиной. Однако, услышавши, в чем дело, извинился за резкость и обещал постараться, после чего сообщил, что в лаборатории все готово к работе.

— Хорошо, я сейчас подойду, — сказал Сударый и оглянулся на часы. — Вереда, сколько будет: полтора часа разделить на пять разумных?

— Восемнадцать минут, Непеняй Зазеркальевич.

— Умещаются... Однако деликатность мне уже надоела. Значит, так: кто бы ни пришел до сеанса, я предельно... нет, беспредельно занят, и, если отвлекусь даже на секунду, вся работа пойдет насмарку и снимка не будет.

Прежде чем приступить к делу, Сударый прошел в чулан, служивший заодно курительной комнатой. Здесь хранились его детские вещи и кое-какой хлам, в жизни оптографа решительно ненужный, но выбросить который было почему-то жалко.

Присев на один из ящиков, Сударый набил и раскурил трубку. Если разобраться, не он один был виновником того, что вокруг оптографического снимка стянулся такой узел интриг. Эти «хозяева жизни», устроители «деликатных дел», обвыкшие решать все «приватнейшим образом», они ведь и в мыслях не допускают, что всякое новшество — дело тонкое и может привести к самым неожиданным последствиям!

Разве Захап Рукомоев приходил в «Обливион», чтобы поговорить? Нет, он пришел, как в лавку, покупать новинку (в которой, кстати, ни черта не смыслит). Скажем откровенно: если бы Сударый не позарился на сто рублей, ему были бы предложены двести, а устоял бы перед ними — оказался бы мишенью «гнева порочного чиновника». Это, конечно, не умаляет того факта, что Сударый все-таки поддался зову искушения, но и не отрицает прискорбной правды жизни: денежные мешки мира сего видят вещи не такими, какими они являются на самом деле, а такими, какими они их «хотят видеть за свои деньги». Не получая желаемого, они не вникают в суть проблемы, а просто бывают страшно обижены, как уже обижен Молчунов, не допуская мысли, что от его двухсот рублей будут отмахиваться рапирой, и как обидится еще Запаятуня...

Пройдя в лабораторию, он снял пиджак и жилетку, не глядя сунул руки в поднесенный Персефонием халат и уселся за рабочий стол. Выписки, сделанные им в библиотеке, содержали довольно редкую формулу, которую он решил, слегка изменив, использовать для поэтапного уловления образа, в чем должна была ему помочь давняя мечта — призматический объектив. С умопомрачительной скоростью треща арифмометром, упырь помог Сударому пересчитать точки приложения магических сил, после чего оптограф подогнал параметры и, перепроверив заклинание, твердым голосом произнес его над стеклянной пластиной.

Потом они обработали и зачаровали холст, на который должна была лечь увеличенная копия снимка. Оставшееся до визита восьми персон с собачкой время Сударый с Персефонием потратили на подготовку студии и аппаратуры: задрапировали фон, установили световые кристаллы и выдвинули на позицию «Зенит», потеснив хорошо поработавшую сегодня старенькую «Даггер-вервольфину».

Часы в приемной пробиты три — и вот они явились, Рукомоевы с присными. Первыми в ателье просочились двое слуг. Они придержали дверные створки, и проплыли меж

ними Захап Рукомоев с супругой Хватуньей Перепрятовой, на руке у которой болталась сердитая собачка с вислыми брылами, издали очень похожая на дамскую сумочку. За ними в сопровождении слуги просеменил худой сутулый старик с опущенными долу очами — он оказался Нахапом, отцом Захапа. Далее следовал младший его сын, брат Захапа Прокрут с женою Профицитою из старинного приבלатского рода знаменитых купцов Гефштеров. За ними, шествовавшими плавно, ворвался, сопровождаемый гувернанткой, малолетний сын Прокрута Навар. И только потом втекли под сень ателье Незагрош и Запятаунья Молчуновы.

К удивлению Сударого, в студию набились все и тут же принялись занимать места перед фоном.

— Кажется, заказ был на восемь персон, — напомнил он Захапу Нахаповичу, который, точно генерал, руководил построением.

— Так и есть, извольте посчитать. Ах вы про этих? Да какие же они персоны — прислуга! Надеюсь, у вас все готово? — понизив голос и наклонившись к Сударому, спросил Рукомоев.

— В лучшем виде.

— Папенька, ну куда же вы выперлись? — вновь повелительно загремел Захап Нахапович. — Имейте соображение — в центре я сидеть буду, и я же вас, простите, задавлю! Эй ты, пересади папеньку. Грошик, зятечек, что же ты в угол забился? Яви супругу, нашу драгоценную Пяточку! Наварчик, не дери портьеру, или тебе кое-что надерут. Мадам Полисьен, снова делаю вам выговор: вы катастрофически отстаєте от моего племянника. Я вам плачу не за то, чтобы потом приходилось за чужие портьеры расплачиваться...

Гувернантка мадам Полисьен с криком: «Ах, Наварро!» — бросилась отирать мальчишку от занавеси, что привело того во вздорное расположение духа — а это, в свою очередь, негативно отразилось на настроении собачки. Забухтел недовольно старый Нахап, госпожа Хватунья завозмушалась, Прокрут с Профицитою бросились утихомиривать сына, возник скоротечный скандальчик, из эпицентра

которого вдруг вывалился Персефоний. Левую руку он прижимал к глазу, а правую — к бедру.

— Все в порядке, — натянуто улыбнулся он в ответ на обеспокоенный взгляд Сударого, а подойдя поближе, шепнул: — Простите, Непеняй Зазеркальевич, ничего не получилось. Меня ударили зонтиком и укусили собачкой.

— Попробуешь еще раз на выходе.

Наконец порядок был восстановлен, композиция составлена — безграмотно, поскольку Захап Нахапович ничего не смыслил в освещении и ухитрился рассадить родичей так, что бросал тень на всех сразу, но Сударый никого ни в чем убеждать не стал. Вместе с укушенным упырем они молча переставили световые кристаллы и отступили к аппаратуре.

Сняв заглушку с объектива, Сударый произнес:

— Внимание, сейчас в течение тридцати секунд будет происходить съемка, — и шепнул стартовое заклинание.

Персефоний перевернул песочные часы. Рукомоевский клан подтянулся, однако все тридцать секунд в камеру смотрели только слуги и собачка, после личной встречи с Персефонием совершенно успокоившаяся. Остальные, хотя и сохраняя самый благообразный вид, вскоре перевели глаза на оптографа. Значение взоров Захапа Нахаповича, Незагроша и Запятауни было понятным, что же до остальных, то Сударый терялся в догадках относительно их интереса к своей персоне, пока не сообразил, что если они и не пытались встретиться с ним для приватнейшего обсуждения деликатнейших дел, то, во всяком случае, догадывались, куда сегодня шастали трое их родственников.

С последней песчинкой Сударый сказал:

— Готово. Благодарю вас, господа. Можете подождать, пока будет закончена обработка снимков, приемная к вашим услугам. Процесс изготовления портрета займет около получаса.

Они с упырем удалились в лабораторию, где подвергли пластину действию ртутных паров, потом очистили в растворе гипосульфита и подступили к светокопировальному аппарату. Пока Персефоний растягивал холст, Сударый рассмотрел проявленный и закрепленный снимок. Снимок

удался, об этом можно было судить с первого взгляда. Образы были совершенно подобны оригиналам, обладали, если посмотреть на пластину под углом, объемом и вели себя вполне адекватно, то есть взирали на зрителя с гранитным спокойствием и заоблачным самомнением. Собачка, правда, искоса посматривала по сторонам, явно примериваясь, кого бы тяпнуть, но это даже придавало изображению некое ироническое обаяние.

Что любопытно, Запятаунья получила не то чтобы не похожей на себя — нет, просто заодно похожей на свое представление о себе: бледные ланиты, бездонные очи и все в таком же духе. «А ведь, пожалуй, она будет довольна... Но нет, деньги, конечно, надо вернуть!»

— Готово, Непеняй Зазеркальевич!

Сударый положил пластину в проектор между линзой солнечного камня — кристалла, дававшего естественный свет, — и заговоренным зеркалом отражателя. Наведя изображение, он перелил в камень магическую энергию, которая вместе со светом перенесла образы с пластины на холст. Наконец, были созданы закрепляющие чары, после чего оптограф с помощником установили холст на передвижной подставке и выкатили в приемную.

Клан сгрудился вокруг группового портрета. Кто-то из слуг мелко задрожал — причем их образы на холсте задрожали тоже, глядя на собственные прототипы.

Запятаунья на холсте вынула из сумочки зеркальце, внимательно осмотрела себя, после чего смерила свой оригинал высокомерным взглядом. Реальную Запятаунью это, однако, нисколько не смутило: она была восхищена портретом.

Не менее радовался и ее супруг. Действительно, его образ на холсте получился в высшей степени благопристойный. Если остальные образы еще позволяли себе любопытные или даже насмешливые взгляды в сторону оригиналов (они явно считали себя более совершенными, нежели те, кто остался в мире плоти), то этот был умиротворен, во всей позе его, в повороте головы и выражении широко открытых чистых глаз, в том, как держал он в руке руку ненаглядной супруги, и в том, как другую прижимал он к сердцу, навер-

няка разрывающемуся от любви к миру, — во всем видны были ум, доброта, незлобивость и вера в неизбывное детское счастье, ожидающее всех честных людей.

Именно Незагрош (на холсте) первый освоился и начал двигаться. К всеобщему умилению, он коснулся щеки супруги, повернул ее к себе лицом и запечатлел на устах нежный поцелуй. Даже Запаятунья во плоти растаяла; Профицита пихнула острым локтем Прокрута, образ которого явно с трудом осваивался в раме, за то что не сообразил сделать этого первым, Наварчик зарделся (мадам Полисьен не успела закрыть ему глаза), старый Нахап завистливо крякнул, а Хватунья томно вздохнула и облокотилась на мужа, который единственный (наяву) оставался недоволен и бросал на Сударого самые недобрые взгляды. Что, кстати, не помешало его образу, протянув руку, добродушно похлопать образ Незагроша по плечу.

Наконец, обойдя портрет со всех сторон, Захап Нахапович был вынужден признать:

— Хорошая работа. А еще что-нибудь они будут делать или только стоять?

— Предсказать невозможно, — ответил Сударый. — Перед вами, господа, ваши совершенные магические изображения в магическом же условном пространстве. В своей обстановке они ведут себя именно так, как вели бы себя вы на их месте.

— А они нас слышат? — спросил Прокрут.

— Нет, только видят. Хотя, будьте уверены, не утомят вас пристальными взглядами. Это тоже условие, определяющее поведение: мы — созерцатели, они — созерцаемое; они нам интересны, мы им — нет. Ну за исключением только...

Как раз в это время собачки в реальности и на холсте, изучив друг друга, принялись собачиться.

— Грузите, — кивнул Захап слугам. Подойдя к Сударому и вынимая бумажник, он тихо спросил: — И когда же этот негодяй покажет свое истинное лицо?

— Вы про зятя? Скажите, а в жизни он часто свое истинное лицо проявляет?

— Конечно, нет! Хитер и скрытен...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

ОТКРЫТИЕ НОВЕЙШЕЙ ОПТОГРАФИИ

- Глава 1*, в которой г-н Сударый совершает открытие и рискует жизнью 5
- Глава 2*, в которой г-н Сударый опять рискует жизнью и, кажется, упускает возможность открыть нечто новое 46

Часть вторая

ПРИЗРАК УХОКУСАЙ

- Глава 1*, в которой мы узнаем кое-что о хлопотах и тревогах домового 100
- Глава 2*, в которой звучит совершенно невероятная история. 113
- Глава 3*, в которой мы узнаем кое-что о настроениях в Спросонске 138
- Глава 4*, в которой мы узнаем кое-что о воздухоплавании и о волшебных предметах 157
- Глава 5*, в которой история безумного брадобрея звучит по-новому, причем куда более убедительно, хотя по-прежнему совершенно невероятно 169
- Глава 6*, в которой этот долгий день наконец-то заканчивается, Переплет утверждается в нелюбви к воздухоплаванию, а Сударый получает новую информацию к размышлению 202
- Глава 7*, в которой де Косье неожиданно помогает Сударому и мы наконец-то видим Ухокусаю 224
- Глава 8*, в которой история безумного брадобрея опять предстает в новом свете, де Косье строит козни, а Сватов встречает гостя 252
- Глава 9*, в которой звучит печальная история Шепчущего моста, а в небе над Спросонском появляется удивительное средство воздухоплавания 271
- Глава 10*, в которой излагается жутковатая история слепого певца Хочуго, а над головой Сударого сгущаются тучи 286
- Глава 11*, в которой всем грозит смертельная опасность, а Ухокусаю приходит конец 307
- Глава 12*, которую вполне можно считать Эпилогом 336